

Как рассказывали о
блокаде те, кто её
пережил?

Как о блокаде можем
говорить сегодня
мы?

Блокада : свидетельства о
ленинградской блокаде
: хрестоматия / сост. Полина
Барскова. — Москва : Фонд
«Культура детства» : Издательский
проект «А и Б», 2017. — 272 с. —
(Руслит : литературные памятники
XX века).

свидетельства
о ленинградской
блокаде / хрестоматия
составитель
Полина Барскова

БЛО- КАДА

РУСЛИТ

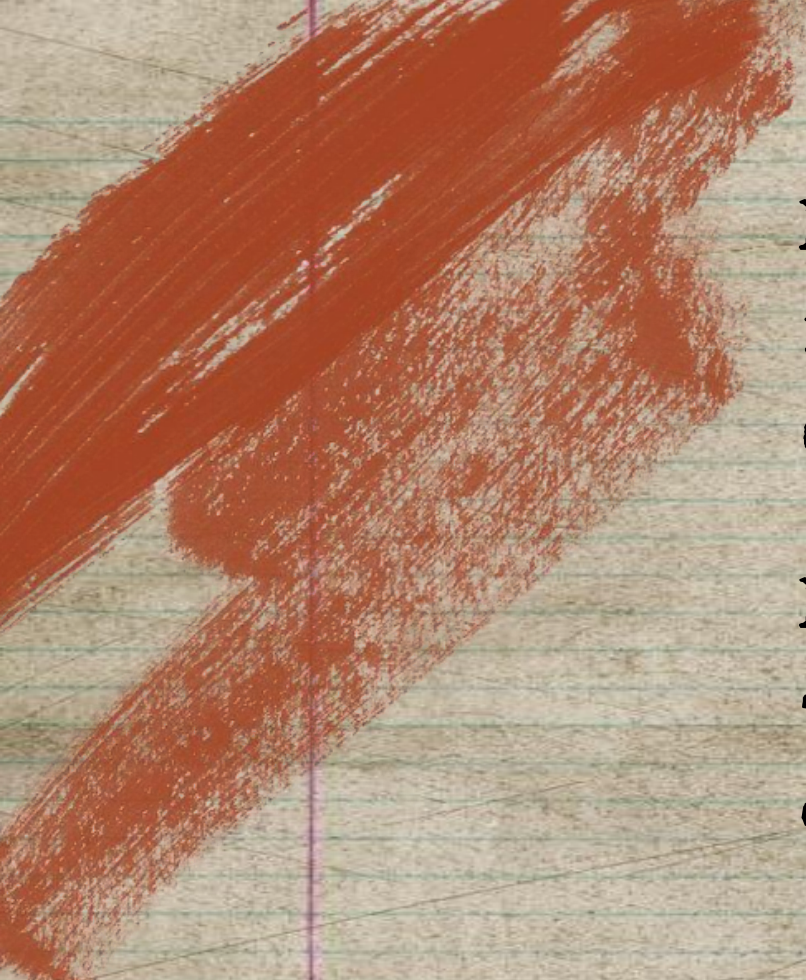
“блокада после блокады”

выставка одной книги

Перед вами Хрестоматия.

Это не учебник, где объясняют события исторического прошлого.

Это страницы голосов блокады, голосов, звучащих трагическим опытом жизни.

Нужно ли сегодня
говорить о
блокаде?

Нужна ли нам эта
трудная память
сегодня?

Возможно, с этой книги начнется
ваш путь к этим вопросам...

ЗАПИСКИ И ФИКЦИИ

СТИХИ

ДНЕВНИКИ

ПОСЛЕ

Блокада Ленинграда:

электронные ресурсы

* Названия разделов выставки совпадают с
разделами хрестоматии

ЗАПИСКИ И ФИКЦИИ

Л. Гинзбург,

«Любое высказывание о блокаде, заранее примиряющее себя с цензурой, гаснет рядом с тем, что делает Гинзбург: читать ее текст, названный позднейшими издателями* «Рассказом о жалости и жестокости» почти невыносимо — как и сама блокада, этот текст не щадит».
[Барскова, с. 12]

Л. Пантелеев

«Его рассказы поражают гибридность: соединением очень жесткого отражения блокадной реальности и соцреалистической формы повествования. В рассказах среди блокадной тьмы и гибели появляются «героические герои» без страха и упрека, способные преодолеть любые трудности ради высокой цели.
Результатом становится компромисс, еще один промежуток между блокадной правдой и умыслом пропаганды, между тем, что блокадному писателю и свидетелю нужно было сказать и что сказать было позволено».
[Барскова, с. 12]

рассказ о жалости и жестокости

«Его очень облегчало, что он мог кричать и обвинять ее в ее же страданиях, вместо того, чтобы терзаться жалостью. Главное, эти обвинения были прекрасной мотивировкой и предлогом, чтобы не связывать себя никакими запретами деликатности и по-прежнему оставить свободу для попреков. Она была виновата, и поэтому он мог попрекать ее в том, что она пухнет, глохнет, что у нее не действуют ноги, что она превращается в развалину, и все это потому, что она его не слушалась, и все это на его голову. И по инерции, по привычке и для самооправдания он все еще продолжал ее обвинять дальше и дальше, и обвинял ее в том, что она умерла. И все-таки ничего не пошло гало. Это была единственная кровная связь. Любовь выветривалась вместе со многим другим человеческим. Но связь осталась, осталась ответственность, и потому — мука жалости. Он не жалел ни добрых, ни сильных. Никого. Он жалел только страшную, замученную старуху, которая отравила и едва не погубила его жизнь. Жизнь которой он спас, а потом, вероятно, погубил. Больше он не жалел никого». [Гинзбург, с. 48]

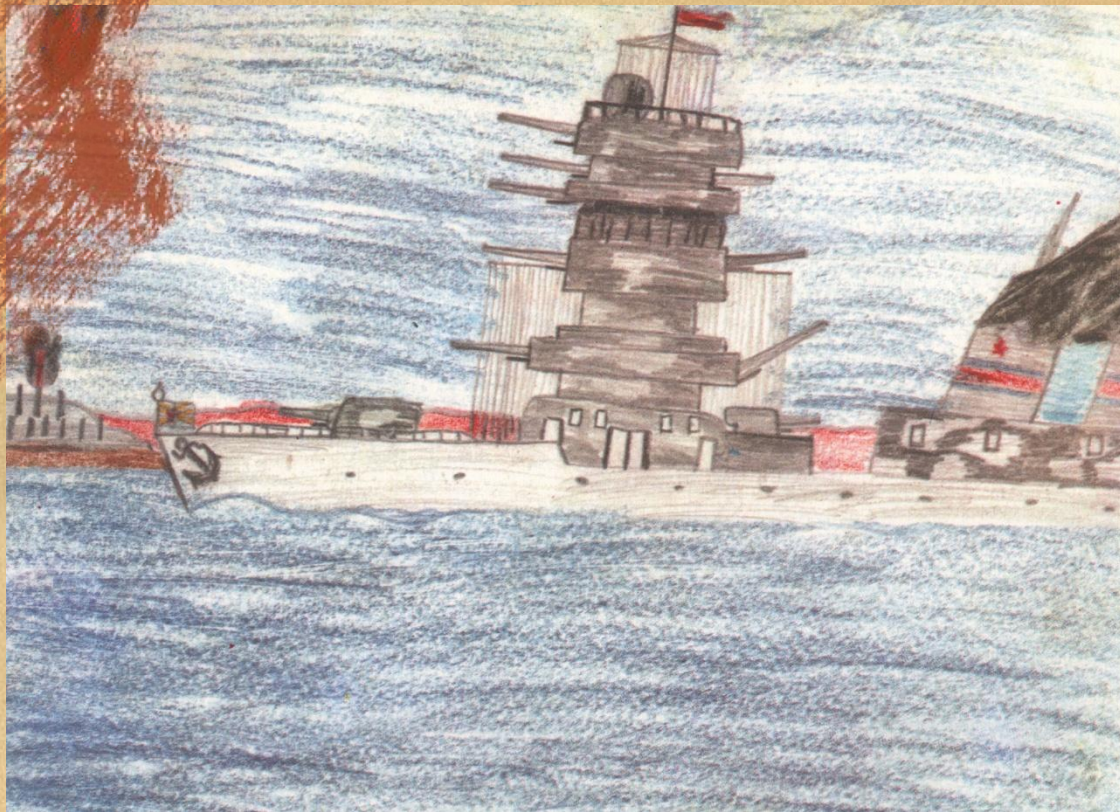

«...» Он ел, и его терзала тоска. Это было самое острое ощущение тоски и горя, которое он испытал в связи с этой смертью. Еда, переживания еды были тесно ассоциированы с ней, и вот это кончилось, и кончился интерес, человеческий интерес еды; осталось что-то мрачное и животное. И в то же время ему казалось, что еда заглушает тоску, физически забивает ее, залепляет ее эта пища, проходящая вглубь куда-то туда навстречу сосущей тоске. Он жевал и глотал, а тоска подымалась навстречу. Это было печальнейшая минута из всех в эти дни пережитых. Он жевал и глотал, и для него кончался выстраданный быт и уклад этого года с его «маленькими радостями», как говорила тетка». [Гинзбург, с. 57]

ИЗ СТАРЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

«Психические заболевания на почве голода. Знаю. Сам был на грани...Первый раз за всю зиму мама принесла из Дома писателя кастрюлечку какого-то супа. Поставили кастрюльку на печку разогреваться. Не помню, что именно, но что-то меня рассердило, вывело из себя (а очень немного для этого было нужно). Размахнулся и — к черту эту кастрюльку с печки. Весь суп, все эти драгоценные перловые зернышки расплескались по комнате. Да, стыдно, писать об этом. И тогда было стыдно. Ужасно стыдно. До слез, до спазма сердца. Но если уж писать, то писать все.. А покойный Павлик, сын покойного дяди Коли! Мягкий, скромный, деликатный, любящий родителей мальчик — он за несколько дней до смерти кидался на отца с ножом».[Пантелеев, с. 64]

рисуют дети блокады*

«О чем же мечтал блокадный ребенок? Конечно, о еде. И о победе. Шестилетний Юра Павлов сделал очень хороший рисунок военного корабля и продиктовал такую подпись к нему:

«Когда я вырасту, буду капитаном. Я буду ехать по морю, вражеские корабли топить, а когда вернусь из плавания, подъеду к вашему дому и привезу вам батоны, и шоколадку, и круглые булочки»».[Пантелеев, с.83]

* Голубева, Э.И. Рисуют дети блокады : альбом / Э.И. Голубева, А.А. Крестинский. — Ленинград : Аврора, 1969. — 80 с.

«Да, победа мнилась и снилась этим маленьким мученикам в образе хлебных батонов, кусков сахара, круглых булочек. Больше всего тронул меня чем-то беспредметный рисунок маленького Шурика Игнатьева. Хаотическое сплетение линий, вроде клубка колючей проволоки. Посередине что-то круглое. И пояснение трехлетнего автора:

«Это война, вот и все, а тут булка. Больше не знаю». [Пантелеев, с.84]

СТИХИ

“официальная поэзия”

«...» в этих текстах блокада изображается как испытание, которое необходимо и возможно преодолеть методом коллективного напряжения коллективной же воли. Так возникает аллегорическое внеиндивидуальное тело города-фронта, города-героя, страдающего, но главным образом сражающегося и, несомненно, побеждающего». [Барскова, с. 95]

“неофициальная поэзия”

«Неподцензурные блокадные поэты рассматривали блокаду в первую очередь как гуманитарное крушение, катастрофу отдельно взятого человека, попавшего в тиски агрессивной бесчеловечной государственности. В этих стихах нам показан блокадник — беспомощный, дезориентированный, но до последнего отказывающийся отказываться от своего «я», от своего языка». [Барскова, С. 96, С.97]

* См. также:

Антология блокадной поэзии на Arzamas: <https://arzamas.academy/materials/I463>

Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
И с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни, —
И это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
За помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
За варезки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою —
Она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда.

16 октября 1941

Ольга Бергольц

С воздушной волною в ушах,
С холодной луною в душе
Я выстрел к безумью. Я — шах
И мат себе. Я — немой. Я уже
Ничего и бегу к ничему.
Я уже никого и спешу к никому
С воздушной волною во рту,
С холодной луной в темноте,
С ногою в углу, с рукою во рву,
С глазами, что выпали из глазниц,
И пальцем, забытым в одной из больниц,
С ненужной луной в темноте.

1942

Геннадий Гор

СТИХИ

написанные во время блокады

и после нее

Черный город в глубоком снегу
Чутко смотрит в глаза врагу
И прислушивается в пургу:
Взяли Тихвин?..Отбили Мгу?..

А когда пробирается друг,
Слышит он в полыханье вьюг,
Как шарахается Испуг
И ворочает кости Недуг..

Черный город не ест и не спит,
Вопрошая сухими глазами,
Сумрак, заревами косматый.

И на площади мертвой стоит
На столбе, обнесенном лесами,
Медный ангел — немой соглядатай.

1941

Татьяна Гнедич

Фантастика

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.

На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен:
«Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа». —
«Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.

Ты все снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья».

1969

Вадим Шефнер

ДНЕВНИКИ

Дневник — фиксация событий

Дневник — собеседник

Дневник — инструмент истории

Дневник — семейная сага

* См. также:

Блокадные дневники на сайте проекта «Прожито»: <https://clck.ru/F7ceY>

Лена Мухина

1924 г.р

3/1-42 г.

«Не знаю, выживу ли и я. Сегодня почему-то я чувствую в себе такую слабость. Ей Богу, я еле стою на ногах, колени подгибаются, голова кружится. А ведь еще вчера я чувствовала себя совсем хорошо, бодро. И совсем я не такая уж голодная. Чем же объяснить этот упадок сил? Может быть, это Акина смерть на меня так подействовала.

А мама меня очень тревожит. Последние дни она проявляет столько энергии. Все время носится сломя голову, движется, а саму ее бросает из стороны в сторону как пьяную. Я так боюсь, что после этого необыкновенного подъема у нее наступит сильный упадок сил. Но что я могу сделать, как предотвратить это? Не знаю.

А может быть, все и не так страшно. И все обойдется благополучно. Дай, Боже, что [бы] это было так...»

* См. также:

Дневник Лены Мухиной на сайте проекта «Прожито»: <http://prozhitto.org/person/49>

Миша Тихомиров

1926 г.р

17/V — 42г.

«Воскресенье. Погода совсем летняя: 15 °тепла; в трамваях жарко. «Замор» вчера был замечательный. Я наелся до отвала (не зря копил!).»

В училище выдали обед и ужин вместе, в I час дня, поэтому вернулся домой рано. Что будем делать — не знаю. Может быть, если Нинель придет рано, сходим в кино.

..Поминутно вспоминается былое, которое повторялось бы и сейчас, не будь проклятой войны. И понятно: трава уже большая, скоро будут листья (на кустиках уже есть), а погода!..»

А тут с утра до вечера я — в училище, да и все остальные из-за питания поздно сидят по школам.

Опять хочется удрать подальше из героического постылого и надоевшего Ленинграда».

*** См. также:**

Дневник Миши Тихомирова на сайте проекта «Прожито»:

<http://prozhito.org/person/246>

Константин Васильевич Мосолов

Вёл дневник вместе
с сыном Костей

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОКУПАНТАМ!

Введение

В эту книгу мы запишем все, что пережили Ленинградцы, Котя, папа и мама в дни Великой Отечественной войны.

Пусть со страниц книги будет вырываться вой сирены, свист летящих бомб, грохот разрыва фугасок и змеинный посвист снарядов уредующих наши любимые улицы, дома, наши родные ленинградские очаги, пусть со страниц ее слышится плач детей осиротевших зимой 1941-1942 года, стоны засыпанных при бомбежках граждан города напоминая о великой священной мести ненавистному врагу, разжигаая пламя ненависти к проклятому фашизму.

- 9 -

Тень зимы 1941-1942 года

(нет дня без тревог и приключений)

Утром 5го Апреля шел на работу мимо энского госпиталя, где работает наш знакомый доктор Брискин.

К госпиталю подъехала машина и четыре женщины стали догружать ее умершими дистрофиками. Они были

желтые и худые как скелеты и стучали костями о дно машины.

И мне захотелось, что бы гитлер перед судом полегал-бы в штабле мертвецов и немного понял, сколько несчастья он принес со своей сворой, всему миру и нашему городу

Приводится для сравнения.

Этот снимок сделан за 2-3 месяца до войны.

В дни блокады г. Ленинграда, когда за один месяц блокадой зимы потерял в весе 24кг. К концу 1942г. 29 декабря за успешную работу в условиях голода, холода и военных нагрузок награжден знаком Отличника Трудовых Резервов и именной газетой.

Всего награжден знаком "Отличника Трудовых резервов" 3 раза. Снимок сделан в дек Вргенил З.О.

На театре, над входом висела большая картина. На полотне было изображено: часть решетки набережной Мойки, на панели лежит убитая снарядом женщина. Рядом несколько веток сбитых столбов осколками. Около женщины стоит маленький мальчик в носочках и туфельках.

Кто он?, о чем он думает. Кто она ему: мама или чужая тетя. Может быть он шел снарядом и секунду назад маму убило снарядом? О многом заставляет думать эта картина.

Елена Мартилла

1923 г.р

«Однажды я поняла, что до утра не дотяну и, если лягу, встать уже не смогу (до того у меня были обмороки сплошные по несколько раз в сутки). Я просто не смела лечь — это был конец.. И так стало обидно: я молодая, а меня заставляют умирать, как будто жизнь моя ничего не стоит... Я не хотела умереть в постели, как затравленное Гитлером, согнутое, сломленное существо. Я чувствовала, что умираю, но сдаваться не хотела. Я взяла лист бумаги, кисть и, увидев себя в маленьком зеркальце, решила рисовать то, что вижу, лишь бы рисовать. Коптилка слабо мерцала, а я уже увлеклась и не хотела думать о смерти. Пока я водила кистью, прошла ночь. Взглянув из окна, я увидела сквозь щели светомаскировочной шторы слабый свет. Настало утро, которое я не чаяла увидеть! Я преодолела смерть..»

После

воспоминания и интервью

От политики полного умолчания
и официальному нарративу
к подробностям трагической
повседневности

Нина Мохова-Лосева

Блокадное детство

«Моя любовь к буйным пляскам вынудила мать согласиться на мое участие в Петроградском райкомовском концерте по поводу годовщины советской власти (то есть ноябрь 1942-го, мне ещё четыре). Мать сшила мне неизвестно из чего красную юбку, и я так её трясла, что мне выдали два мандарина и резиновый мяч. Вообще блокада оказалась временем моей максимальной социальной активности».

Аэлиита Вострова

Воспоминания*

Интервьюер: А самое тяжелое время, как Вы считаете, какое было? Для Вас.

Респондент: Вот, я хочу сказать, что самое тяжелое время, вот, это даже не бомбежки, не обстрелы, а вот этот жуткий холод. И есть все время хотелось. Вот. Боже мой, я помню, лазила под шкаф. А в шкафу.. а шкаф у нас такой был старинный, я помню, а вдруг там завалился какой-то сухарик, а вдруг там конфетка какая-нибудь окажется, поэтому на кухонном столе все перебирали, чтобы что-то положить было в рот. Это самый, конечно, страшный был первый год. Вот этот первый: зима и весна. Еще когда еще ничего не было, а потом уже подросла травка, мы уже потом лебеду стали есть, что-то в рот попадало<..> Даже вот как-то вот эти трупы, они не оставили такого на меня, такого, ну, как бы сказать, такого детского ужасного впечатления, но вот голод. Голод<..>Страшное чувство голода, поэтому, не знаю, оно оставило, конечно..на психику оно очень повлияло. Ну, во-первых, мы никогда не могли ничего выбрасывать. Мы очень бережно относились к каждому кусочку, крошки вот так собирали, это, вообще все..Это вам не понять, потому что когда ты живешь, вообще нечего есть..то каждая крошечка кажется, не знаю..деликатесом.

* центр устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Блокада Ленинграда: электронные ресурсы

- **Блокада Ленинграда** [Электронный ресурс]: история блокады и обороны города, на два с половиной года оставшегося без продуктов и топлива, – в лекциях, дневниковых записях и стихах // Arzamas.academy: просветительский проект. – М., 2015. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/courses/51>. – (28.01.2019).
- **История дневников Ольги Берггольц** [Электронный ресурс] // Arzamas.academy: просветительский проект. – М., 2015. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/667>. – (28.01.2019).
- **[Блокадные дневники и записи]** [Электронный ресурс] // «Прожито»: электронный архив рукописей, текстовый корпус личных дневников и волонтерский проект. – М., 2015. – Режим доступа: <https://clck.ru/F7ceY>. – (28.01.2019).

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА (ЛОДБ)**

194021, Россия,

г. Санкт-Петербург, пр. Тореза, д.32

Тел.: +7 (812) 552-53-80

Тел.: +7 (812) 552-25-28

Тел.: +7 (812) 552-33-17

Факс: +7 (812) 552-95-45

e-mail: childbibli@yandex.ru

<http://lodb.spb.ru>

<http://deti.spb.ru>

<https://www.facebook.com/Kidslibrary>

https://vk.com/kidslibrary_lodb

Сост. Алейник Л.Н.